

ПУТЕШЕСТВИЕ В БРАЗИЛИЮ

В августе 1995 года в Бразилии состоялся очередной геологический симпозиум, посвященный проблемам происхождения гранитов рапакиви. В то время я заведовал лабораторией металлогении Института земной коры Санкт-Петербургского государственного университета и вместе с научным сотрудником лаборатории Алексеем Шебановым изучал граниты рапакиви. Мы написали и отправили в оргкомитет конференции тезисы докладов, рассчитывая на финансовую поддержку от проекта ЮНЕСКО IGCP-315 для поездки в Бразилию на международный симпозиум. Он должен был проходить в городе Белем почти на Экваторе. А после симпозиума намечалась геологическая экскурсия в верховья Амазонки.

События, предшествующие этой поездке я уже описывал в повести «Загадка острова Гогланд», но для целостности рассказа их следует повторить.

Мы с Алексеем жили надеждой, что нам оплатят дорогу и десять дней экскурсий. Каждый вечер ждали электронную почту из Бразилии. В деканате нашего факультета стоял единственный компьютер с модемом, и находился электронный почтовый ящик. С интервалом в два часа мы бегали по очереди к секретарше Оленьке, которая сразу откладывала свои дела, запускала какую-то навороченную ДОСовскую почтовую программу, проделывала с десятков операций на клавиатуре, в результате чего начинал чирикать модем, переговариваясь с университетским сервером.

Но почты все не было. Потом выяснилось, что это из-за проблем со шрифтами португальского языка сообщения пропадали.

Чтобы скрасить время ожидания, Алексей предложил тренироваться в исполнении самой «бразильской» песни из кинофильма «Двенадцать стульев». Он чувствовал, что воля моя слабеет, и всячески старался поддержать боевой дух.

– Вы только представьте себе, Учитель, как однажды вечером в типичном бразильском кабаке, где аборигены пьют кашасу, джин и чинзано, я встаю и говорю: «Друзья, разрешите нам спеть песню, посвященную вашей прекрасной стране». Здорово?

– А если они заинтересуются, где же у них в Бразилии бегают бизоны и растут баобабы?

– Не спросят. Они понимают, что в песне главное чувство. Только концовку я буду петь один, хорошо?

И Алексей очень артистично с надрывом исполнял заключительные слова песни:

«Там где любовь,

Там где любовь,

Там всегда проливается кровь!

Тирь-ям-тим-тя-тя-тям», – добавлял он уже от себя, уверенный, что это придает его исполнению особый трагизм.

В конце концов, следовало принять решение – или я еду в экспедицию на Гогланд изучать вулканические аналоги гранитов рапакиви, или делаю прививку от желтой лихорадки и жду поездки в Бразилию. А вакцинацию необходимо сделать за десять дней до вылета. Без медицинского сертификата, в нашем аэропорту, граждан России не пускали в самолет. Но если поездка в Бразилию сорвется, то я останусь и без Гогланда. В этом случае «лучше синица в руках».

Я рассчитал, что если нам и дадут деньги, то на одного. И в этом случае пускай едет Алексей. А я буду мысленно подпевать ему «Тирь-ям-тим-тя-тя-тям», когда он будет убаживать аборигенов своим огненным исполнением.

Когда до поездки осталось одиннадцать дней, Алексей стал уговаривать меня рискнуть и сделать прививку от желтой лихорадки.

– Сходи в библиотеку, и разузнай что-нибудь про эту желтую лихорадку, – попросил я Алексея.

Вскоре он вернулся с конспектом.

– Ну, и что за болезнь желтая лихорадка? Небось, как энцефалит – без прививки умирают сразу, а с прививкой на всю жизнь остаются идиотами? – пошутил я.

– Название болезни родилось на острове Барбадос. Английские моряки и солдаты еще называли ее «Жёлтый Джек». Лихорадка передаётся комарами от заражённых обезьян или людей. Инкубационный период до десяти дней. Болезнь может протекать в легкой и тяжелой формах. Про какой вариант сначала читать?

– Вряд ли нам достанется легкая форма, грохочи сразу про тяжелую.

– «Тяжёлое течение характеризуется внезапным началом, лихорадкой, высокой температурой, ознобом, сильной болью головы, мышц спины и конечностей, тошнотой и рвотой. Характерно желтушное окрашивание кожи из-за поражения печени; лицо красное, одутловатое, веки отечны.

– Не хотелось бы с такой физиономией петь зажигательные бразильские песни.

– Слушайте дальше: после короткого светлого промежутка может наступить шок с развитием острой почечной и печеночной недостаточности».

– Короче, «Склифосовский», чем там все заканчивается?

– При молниеносно протекающем развитии больной умирает через 3—4 дня. Но, зато у перенесших болезнь людей возникает пожизненный иммунитет.

– Нам так не повезет, а вот наличие «короткого светлого промежутка» в процессе болезни радует. По крайней мере, успеем обменяться впечатлениями о бразильских гранитах рапакиви.

– Учитель, нам ли быть в печали? Вспомните, как во время сплава по Тулемайоки нас кусали энцефалитные клещи? И ничего..., и ничего..., и ничего...

Алексей стал дурачиться и в такт последним словам дергать головой.

В конце концов, я решил отказаться от Бразилии. Алексей один отправился в больницу и сделал прививку, а я оказался за чертой возможной поездки, и стал готовиться к экспедиции на Гогланд.

В тот же вечер мы с Алексеем сидели в моем кабинете и пили кофе. В коридоре послышался длинный междугородний телефонный звонок.

– Учитель, это вас! – крикнул Алексей, первый схвативший телефонную трубку.

– Хеллоу! Из зис доктор Беляев спикин? – раздался в трубке голос моего киевского коллеги Виктора Верхогляда, с которым я познакомился на симпозиуме по рапакиви в Монреале, – Хау а ю?

– Хай! – ответил я. – Ду ю спик инглиш? Ну, вы полиглоты! Что на Украине уже все разговаривают по-английски? А до нас доходят слухи, что украинский язык, оказывается, не имеет с русским ничего общего – он ближе к французскому. Достаточно сравнить по звучанию фразы «же не ма» и «вже нема». Естественно, что при такой близости языков вам, наверное, так хочется поговорить на французском.

– Все ерничаете про нашу мову! Как там у вас дела, чем занимаетесь?

– В гранитах рапакиви ковыряюсь.

– А мы получили приглашение из Бразилии и нам со Скобелевым оплачивают дорогу и экскурсии. Звоним из Москвы – ожидаем самолет на Рио-де-Жанейро.

– Ребята, я вами горжусь! У нас говорят: «большому дятлу – большое дупло!»

– А у нас говорят: «большому кораблю – большая торпеда», – ехидно крикнул в трубку Скобелев. – Мы ваши байки лучше при личной встрече послушаем, когда вы прилетите в Москву?

– Зачем? – не понял я.

– А в нашем приглашении написано, что для нас с вами заказан ужин в ресторане аэропорта Рио-де-Жанейро, и номер

в гостинице, а утром мы должны вылететь в Билем, и для всех нас забронированы билеты.

– Но у нас нет никаких подтверждений из Бразилии, – мне все еще не верилось в реальность поездки.

– Немедленно поезжайте в кассы аэрофлота и получите заказанные билеты в Москву и дальше до Рио-де-Жанейро. И обязательно дайте факс Роберто о согласии участия в симпозиуме и геологической экскурсии.

– А как же виза? Паспорта у нас есть, а консульства Бразилии в Питере нет.

– Прилетите в Москву и за два часа сделаете визу в посольстве Бразилии. Мы вас встретим и все покажем. Ваши фамилии есть в нашем приглашении и в посольстве мы предупредили, что вам надо быстро сделать визу. Они сказали – нет проблем.

– Ну, коллеги, с нас бутылка.

– Как за глаза, так «хохлы», а по делу так сразу «коллеги», – крикнул Скобелев в трубку. – У нас говорят, что москали травят россиян паленой водкой, а мы вас угостим настоящей украинской горилкой и потрясающим салом!

– Ребята, честно скажу, я вас за глаза хохлами никогда не называл.

– Ну и мы, лично вас, москалем не считаем, – утешил меня Виктор Верхогляд.

– Ждем вас около бразильского посольства в одиннадцать утра, – снова крикнул в трубку Скобелев, – да, и брату Геннадию Михайловичу передавайте большой привет.

– Учитель, это победа! – заорал Алексей в диком восторге.

Первое, что предстояло сделать – отправить факс Роберто с подтверждением нашей поездки. Роберто дал Аньел, профессор университета города Билем бразильской провинции Пара – главный организатор этого симпозиума. Мы познакомились в Хельсинки на первом симпозиуме, посвященном гранитам рапакиви, и сразу подружились.

Роберто дал Аньел – профессор федерального университета провинции Пара, Бразилия. Самый мужественный и обаятельный геолог.

– Хорошенькое дело – факс в Бразилию! – возмутился наш декан Игорь Васильевич Булдаков, – А вы знаете, сколько это стоит? Кто будет платить? Факультет нищий – на учебные практики едва наскребаем, а на оплату служебных телефонов из своей зарплаты скидываемся, сами знаете. И как это вы так ловко устроились? Никому в поле не выехать, а они, пожалуйста: в Америку, Канаду, Италию. А теперь и в Бразилию.

– Игорь Васильевич, наши доклады на международном симпозиуме по гранитам рапакиви поднимут планку Санкт-Петербургского государственного университета на недосягаемую высоту, – я почувствовал, чтобы получить согласие декана в вопросе оплаты, нужно немного лести, – обещаю вам, что мы будем также способствовать распространению вашей личной славы и известности.

– Каким же образом? – усмехнулся декан.

– В общественном бразильском туалете в Рио-де-Жанейро появится надпись на русском языке: «Булдакову – слава!»

– И на португальском – Vivat Buldakov! – вставил Алексей.

– С такой формой мелкого подхалимажа я сталкиваюсь впервые, – декан, как настоящий геолог, юмор понимал, – ладно, посылайте факс, найду деньги.

В кассах аэрофлота оплаченный билет выдали только мне. Вначале мы подумали, что это недоразумение, но вечером из Бразилии пришел ответный факс, и приглашение на меня одного.

Алексей мужественно выдержал удар судьбы.

– Учитель, я искренне за Вас рад. Это справедливо, что летите Вы. Не справедливо то, что не еду я. Одно могу сказать определенно: я буду в Рио-де-Жанейро и в белых штанах!

– Это уже тривиально – «двести тысяч и все в белых штанах». Если уж ты хочешь сразу покорить Бразилию, то надо выйти из самолета вообще без штанов.

– О, трепещите бразильянки! – Алексей погрозил в воздухе кулаком, – вы их там настройте Учитель, чтобы изготвились. Обидно только, что из-за этой прививки от желтой лихорадки придется терпеть еще пять дней без алкоголя.

С утра я отправился делать прививку от желтой лихорадки. Удивительно, но в прививочный кабинет не было очереди. И сделать прививку оказалось просто - заплатить деньги в кассу. Но оставалась самая большая сложность – до вылета оставалось всего три дня, а вакцинацию следовало пройти за десять дней. И еще надо уговорить врача выписать мне сертификат задним числом.

Врачиха с каким-то особым удовольствием сообщила, что после этой прививки десять дней категорически нельзя употреблять алкоголь, в полной уверенности, что я не проживу так долго без этого зелья. Когда она села выписывать сертификат я попросил поставить другое число.

Возмущению ее не было границ, она кричала, что никогда не пойдет на подлог. Все мои уговоры не подействовали, а демонстрация билетов до Рио-де-Жанейро еще больше усложнила ситуацию. Я клялся, что выйду из отеля, где будет проходить симпозиум, только через неделю и кровососам

просто не будет физической возможности меня укусить, чтобы заразить желтой лихорадкой.

– У вас были инфекционные заболевания?

– Три года назад, клещевой боррелиоз.

– Вот, вечно вы геологи лезете в разные опасные места и себя не жалеете.

В словах врача мне почувствовалось легкое колебание. Надо было развить успех.

– Уж кто бы нас геологов укорял, только не Вы эпидемиологи. Нас паразиты случайно кусали, а эпидемиологи сами прививали себе какую-нибудь смертельную заразу и потом еще наблюдали за собой – как болезнь проходит, и как они умирают. А ради чего они это делали? Ради людей и науки! А я зачем в Бразилию еду, на карнавал? Да мы в верховья Амазонки только через одиннадцать дней попадем, а до этого будем сидеть на симпозиуме в гостинице. Не верите? Я вам обещаю! Выпишите мне сертификат задним числом!

Врачиха покачала головой, молча разорвала только что заполненный сертификат и выписала новый с нужным числом проведения прививки.

– Только чтобы из гостиницы десять дней не выходил, – она погрозила мне пальцем.

Я развел руками с таким видом, что сам Господь Бог не усомнился бы в моей честности и обязательности.

На улице у посольства Бразилии меня ждали Володя Скобелев и Виктор Верхогляд. Я опоздал к намеченному сроку на десять минут и очень переживал. Но визу получил на удивление быстро – все заняло полчаса.

В аэропорту перед посадкой украинцы сильно переживали, так как не делали прививок, а медицинские сертификаты были липовые. Но инспекторы санитарно-контрольной службы проверили только мой сертификат, а на украинцев, заметив их паспорта, махнули рукой.

Наши места находились в хвостовом отсеке самолета. Отсюда огромная труба фюзеляжа особенно впечатляла и по размерам напоминала амбар. Казалось, что эта штука ни за что не взлетит. Но взрели шестьдесят четыре тысячи лошадиных сил, самолет разбежался, и двести тонн металла и триста пассажиров легко взлетели на высоту десяти тысяч метров.

По пути нас ожидало несколько посадок – на Кипре, в Тунисе, на Островах Зеленого мыса, в бразильском Сальвадоре, Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро.

К нам подсел моряк, направлявшийся отдыхать на Кипр. Узнав, что мы летим в Бразилию, он оживился и рассказал, как на танкере заходил в порт Сальвадора.

– Бразилия – единственная страна, которая соскочила с нефтяной иглы. В семидесятых годах во время очередного подорожания нефти автотранспорт стали переводить на дешевый спирт, который получают из сахарного тростника. Спирт обязательно добавляют в бензин и дизельное топливо, причем с каждым годом его долю увеличивают в соответствии с принятой национальной программой. Треть всех машин в Бразилии ездят на этаноле. А перегар на улицах от спирта такой, как у нас в Мурманске в понедельник утром в городском автобусе.

– Наверное, автомобильный спирт пить нельзя? – заинтересовался Скобелев.

– Почему же нельзя? Когда наш сухогруз пришвартовался, то многие матросы ночью затарились спиртом. И у кого старпом не отобрал, понемногу кайфовали пару месяцев.

Скобелев раздобыл где-то яркие туристические проспекты и сообщил нам разные полезные сведения о Бразилии.

– Амазонская сельва занимает треть Бразилии, – вслух читал проспект Володя, – Амазонию называют "легкими планеты", так как здесь вырабатывается половина всего кислорода атмосферы. В джунглях обитают 1800 видов птиц, 250 разновидностей млекопитающих, 1500 различных пород

рыб. Четверть всех фармацевтических веществ мира извлекается из растений Амазонского леса. В реке Амазонка и ее притоках сосредоточена одна пятая часть всей пресной воды планеты Земля.

– Найди что-нибудь про Белем, – попросил Верхогляд.

– «Белем – столица штата Пара, крупный экономический центр на северо-востоке Бразилии с населением в миллион человек. Это ворота в бассейн реки Амазонки. Белем – город садов. Здесь произрастают самые разнообразные фрукты – манго, кэшью, стар-фрут и многие другие» – прочитал Скобелев. – Наконец-то попробуем тропическую экзотику.

Мне вдруг вспомнилось как в детстве мой отец – ветеран Великой Отечественной войны и ударник труда взял меня с собой на парад 7 ноября. При входе на гостевые трибуны Дворцовой площади всем детям выдавали по три маленькие зеленые мандаринки. Я уже пробовал мандарины в детском саду – нам давали под новый год по целой штуке. И на новогодней елке в подарке тоже лежали две мандаринки, но тогда мне досталась лишь половинка.

Всезнающий брательник рассказал тогда, что родина этого безумно вкусного фрукта – Индия. А в Китае мандарины появились две тысячи лет тому назад, и ел их только император, а потом – самые главные чиновники, которых так и стали называть – мандарины.

На трибунах в последнем ряду я сидел на плечах у отца. По площади с грохотом двигались автомашины, грозные танки и пушки. Бессознательно я расковырял пальчиком в кармане одну мандаринку и по долькам незаметно ее съел. Она оказалась кислой – вырви глаз, но вкусной. Я утешил себя, что две оставил для матери и брата.

Дома отец увидел две мандаринки и удивился:

«Их же было три!»

«Одна как-то съелась», – покраснел я.

– Такой маленький, а уже научился есть из рукава, – ехидно заметил старший брат.

Я готов был, провалится от стыда.

И вот впереди меня ожидало море экзотических фруктов. Жаль привезти домой ничего нельзя. После стажировки в Китае отец и мать расспрашивали меня об экзотических фруктах и блюдах, которые мне удалось попробовать. А я чувствовал себя так будто тайно от них съел кислую мандаринку.

«Всё попробуем!» – решительно заявил мой внутренний голос.

Кормили в самолете каждые два часа и достаточно вкусно. При этом щедро предлагали разнообразные напитки – пиво, вино, джин и даже виски. Я опасался прикоснуться к спиртному, так как помнил предупреждение врачихи, что после прививки от желтой лихорадки десять дней категорически нельзя употреблять алкоголь. Украинцы надо мной насмеялись, и не отказывали себе в удовольствии, устроив настоящую дегустацию горячительных напитков. Тем более, что стюардесса, разносившая напитки, оказалась их землячкой родом из Киева и весьма благосклонно к ним относилась. В конце концов, они уговорили и меня попробовать бразильский мартини. И ничего, не умер.

– А когда мы прилетим в Рио, – спросил Виктор стюардессу, которой он явно нравился.

– Вы через сутки, а я через две недели.

– Как, Вы нас покидаете? – удивился Скобелев. – Очень жалко!

– Каждые несколько часов полета происходит смена экипажа. Так что меня самолеты мы вернемся в Москву по цепочке почти через месяц.

Пассажиры тоже все время менялись. Вылетевшие с нами из Москвы вышли кто на Кипре, кто в Тунисе, и только мы втроем летели до самого Рио-де-Жанейро.

Маршрут пролегал над Атлантическим океаном вдоль западного побережья Африки и в одном месте я увидел внизу

какой-то мертвый город, наполовину засыпанный песками надвигающейся пустыни.

После заправки в Кабо-Верде – Островах Зеленого Мыса лайнер совершил прыжок через Атлантический океан. С высоты одиннадцати тысяч метров горизонт выглядел как дуга, так что Земля действительно круглая, в чем я впрочем, и не сомневался. Это был мой пятый перелет через океан.

Устав от полета мы периодически засыпали, и нас будила стюардесса, разносившая напитки. Я проснулся, когда по трансляции командир корабля сделал какое-то объявление и пассажиры захлопали в ладоши.

– Что он сказал? – Скобелев тоже очнулся от сна.

– Он сказал: «Уважаемые пассажиры, на этом командир корабля и экипаж прощаются с вами и желают приятного дальнейшего полета».

– А мы, как же мы, – забеспокоился Скобелев, спросонок так и не врубившись в ситуацию, – там же внизу океан.

Подошла стюардесса и вручила нам три именные грамоты Аэрофлота: «Пересекшему Экватор». Так вот о чем сообщал пассажирам командир корабля – мы пересекли Экватор! Украинцы тут же потребовали отметить это событие, и стюардесса принесла три пятидесятиграммовых шкалика с бразильским вином.

– Кушать будете? – спросила она.

– А какой у Вас выбор? – поинтересовался Верхргляд с видом графа в парижском ресторане.

– Да, или нет!

– Аэрофлот! – с ухмылкой произнес Скобелев, разводя руками, словно хотел сказать: «Ну, что от него можно еще ожидать?» – а вот у нас на Украинских авиалиниях, обслуживают по высшему разряду.

Стюардесса явно обиделась за отечественную авиакомпанию и в долгу не осталась:

– Да, я знаю, моя подруга рассказывала, что они тренируются быстро и слитно произнести фразу, так чтобы пассажиры не успели отреагировать: «Будете кушать не хотите как хотите».

– Побудьте с нами немного, – попросил Скобелев стюардессу, – Анатолий Михайлович, сейчас расскажет нам какой-нибудь веселенький анекдот. У него есть на все случаи жизни.

– Так сразу я не могу, нужна какая-то ассоциация, память у меня так устроена.

– Вот и расскажите, какие ассоциации у вас вызывает самолет и стюардесса.

– И еще океан внизу и экватор, – добавил Верхогляд.

Если нет подходящего анекдота на какой-то случай жизни, его можно быстро составить из нескольких близких по теме.

– Самолет терпит бедствие над океаном, – экспромтом выдал я, – и летчик поручает стюардессе успокоить пассажиров. Она входит в салон и говорит:

«Уважаемые пассажиры, мы приближаемся к Экватору, и по традиции праздника Нептуна наш самолет сейчас резко пойдет вниз, нырнет в воду, а потом, окунувшись, снова полетит дальше».

Так все и случилось. Через некоторое время из моря выныривают два хлопца, и один с обидой спрашивает другого:

– «Мыкола, я не понял, они шо без нас улетели что ли?»

– Ну, Вы и тему подобрали для анекдота, – слегка обиделся Верхогляд.

– Все как вы заказывали: самолет и стюардесса, океан и экватор.

– Ой, как смешно, – хихикнула стюардесса, – пойду, расскажу пилотам.

От Сальвадора до Сан-Пауло лайнер шел над океаном вдоль берега Бразилии, и после остановки взял курс на Рио-де-Жанейро. Внизу сгустилась тропическая ночь, в которой полыхали многочисленные пожары – в сухой сезон фермеры

жгли траву, подготавливая пастбища, для выращивания свежей травы. Утомленные длительным перелетом мы дремали в неудобных креслах.

В Аэропорту Рио-де-Жанейро нам предстояла ночевка и пересадка. Гостиница для нас была забронирована. Она располагалась прямо в здании аэропорта. В холле мы стали заполнять бланки регистрации. В графе «sex» (по-английски «пол») Скобелев написал букву «М» и усмехнулся, показав мне на это слово. Я отреагировал мгновенно и вслух сказал:

– Ну, что ты стесняешься? Надо полностью заполнить эту графу.

– А что еще надо написать? – не понял Володя.

– Напиши – «Five times a day» (пять раз в день).

– Что это?

– Это параметры секса клиента. Администрации нужно знать, сколько презервативов следует ежедневно класть в ящик ночного столика в твоем номере.

– Зачем так много? – опешил Володя.

– А шоб знали наших, пардон, теперь уже ваших. Неиспользованные можно забрать себе, также, как и кусочек одноразового мыла, или флакон шампуня. Украинские туристы всегда так делают, скажи Верхогляд.

– Не слушай Анатолия Михайловича, он тебя разыгрывает, – вмешался Виктор, – достаточно одной буквы «М».

Устроившись в гостинице, мы отправились в ресторан на ужин, который тоже был заказан. Шведский стол поражал разнообразными блюдами, закусками, соками и невиданными фруктами. Возвратившись в номер, решили отпраздновать наше прибытие в Бразилию, и выпили бутылку чинзано из холодильника-бара. Водка, которую мы традиционно везли с собой, предназначалась в подарок Роберто и руководителям проекта: Ильмары Хаапала и Джорджу Беттенкурту.

Рано утром Боинг авиакомпании Вариг совершил посадку в городе Белем. Выйдя из аэропорта, мы сразу почувствовали, что такое экваториальная жара в устье Амазонки на берегу

океана – температура воздуха в тени за сорок градусов при высокой влажности. Все мгновенно стали мокрыми как в парной русской бане. Нас встретил ученый секретарь проекта IGCP-315 Тапани Рямо – доцент университета Хельсинки, и отвез в четырехзвездочную гостиницу «Новотел». Здесь и должен был проходить симпозиум по рапакиви. В отеле в холлах работали мощные кондиционеры.

Украинцев поселили в одном двухместном номере, а меня в другом. Из России на симпозиум был также приглашен мой коллега Анатолий Ларин из Санкт-Петербургского Института геологии и геохронологии Докембрия. Он вылетел раньше нас на один день самолетом авиакомпании «Люфтганза» и застрял где-то в аэропорту Франкфурта. Двухместный номер приготовили для меня с Анатолием, и так как он еще не прилетел, я расположился один. Установил кондиционер на самую низкую температуру. Разделся и принял холодный душ.

Отель стоял на самом берегу широкой реки, образовавшейся при слиянии правого рукава Амазонки и реки Токантинс. Из окна моего номера просматривался небольшой чистенький дворик, в котором стояла наша Нива!? К причалу на берегу подошли две рыбацкие лодки, из которых стали выгружать улов. Одна огромная рыба неизвестной мне породы имела метра полтора в длину и сантиметров сорок в поперечнике.

Кондиционер в моем номере работал всюду, и стало даже прохладно. За окном вдруг потемнело, и мрачные грозовые тучи закрыли небо. Разразилась тропическая гроза. Молнии сверкали как сполохи разрывов снарядов при залпе дивизиона реактивно-минометных установок «Град», а гром слился в сплошной грохот. Такой яростной грозы я еще не видел. Налетел сильный порывистый ветер, и первые крупные капли дождя упали на землю. С другой стороны реки в сторону нашего берега летело несколько птиц, спасавшихся от надвигающегося грозового фронта. Когда они уже подлетали к нашему берегу, на них обрушился мощный ливень, и от

потоков воды и сильного ветра птицы упали в реку. Они стали загребать крыльями воду и быстро помчались к берегу. Ливень усилился и птицы скрылись за сплошной пеленой дождя.

Симпозиум открыл профессор Ильмари Хапала, затем от бразильской стороны выступили Джордж Беттенкурт – профессор университета Сан-Пауло и Роберто дал Аньел – доцент федерального университета провинции Пара. Открытие широко освещали средства массовой информации и телевидение. В основном благодарили многочисленных финансовых спонсоров конференции.

В заключении официальной части Ильмари Хапала вручил Роберто дал Аньел финский орден за заслуги в развитии геологии.

Первый день симпозиума оказался скучным. С докладами выступали мэтры IGCP проекта. Мне всегда казалось, что наука это новые, пускай даже сумасшедшие идеи, горячие дискуссии в которых рождается Истина. И так часто бывало в Советской геологии. А тут, чинные доклады, выполненные под гребенку, только с разными данными, прилагаемыми к стандартным общепринятым изотопно-геохимическим моделям образования гранитов.

В перерыв во время кофе-брейка к нам подошел высокий моложавый мужчина и на чистом русском языке без всякого акцента представился:

– Василий Васильевич Кочубей, доцент федерального университета провинции Пара, специалист по полезным ископаемым.

Василий Васильевич оказался прямым потомком знаменитого русского дворянского, графского и княжеского рода Кочубеев, происходящего от крымского татарина Кучукбея, в семнадцатом веке крестившегося в Малороссии с именем Андрея. Его внук Василий Леонтьевич Кочубей – герой пушкинской Полтавы и оперы Чайковского «Мазепа».

Василий Васильевич родился в 1942 году в Париже, и после окончания Сорбонны, несколько лет работал в университете преподавателем. Но дядя соблазнил его геологией и романтикой амазонской сельвы, в которой молодой геолог и провел больше пяти лет на поисках месторождений бокситов. Затем он работал в Сан-Паулу и, наконец, занял позицию доцента в федеральном университете провинции Пара в Белеме.

– В нашем роду по мужской линии все Василии Васильевичи и сына моего зовут также – в честь прадеда Василия Викторовича Кочубея.

– Это он родился на Украине в знаменитой Диканьке? – оживился Скобелев.

– Нет, там родился его дед Виктор Павлович Кочубей, который был возведен сначала в графское, а затем – в княжеское достоинство. Его портрет, кисти художника Жерара хранится в Государственном Эрмитаже. Все говорят, что я очень на него похож.

Спустя несколько лет я увидел эту репродукцию портрета Виктора Павловича Кочубея и отметил, как похож на него Василий Васильевич.

За обедом Володя Скобелев вдруг решил похвастаться перед Кочубеем популярными ныне «украинскими» анекдотами про москалей.

«Диду, диду! – радостно кричит внук. – Москали у космос полетели!»

«Что, уси?» – радостно изумляется дед.

Василий Васильевич не засмеялся и анекдот ему явно не понравился, но это Скобелева не остановило, и он продолжил:

– Хохол рубит топором единственную в округе березу.

«Мыкола, зачем ты такую красивую березку сгубил?» – спрашивает его сосед.

«Да, а приедет москаль, увидит березку и скажет: «О, березка, исконно русская земля!»

– Изначально слово москаль обозначало либо подданных московского княжества, либо украинцев, получавших от Москвы земельные наделы за верную службу, – Василию Васильевичу не понравился и второй анекдот, – но сейчас оно приобрело негативный националистический оттенок. В моем роду были татары, украинцы и русские, поэтому я очень болезненно отношусь к межэтническим распрям, разжигаемым на территории бывшего Советского Союза.

– Какие распри, просто у нас в Украине сейчас идет переосмысление истории, – с вызовом ответил Скобелев, – как Вы относитесь к Мазепе?

– Ни Швеция, ни Польша, ни Турция к которым переметнулся Мазепа, никогда не стремились к независимости Украины. Мазепа незаконно казнил моего предка Василия Кочубея, обвинив его в предательстве, а сам за клятвопреступление и за измену Великому Государю, был предан архиереями анафеме! И по поручению Петра I, специально для гетмана Мазепы изготовили Орден Иуды.

– Что это за орден такой, – заинтересовался Ларин, – никогда не слышал о нем.

– Он изготовлен в единственном экземпляре в 1709 году и представлял собой круглый диск из серебра весом пять килограмм. На нем изображён Иуда Искариот, повесившийся на осине, а внизу изображение 30 сребреников и надпись: *«Треклят сын погибельный Иуда еже ли за сребролюбие давится»*. Пётр I предполагал вручить его Мазепе вместо ордена Андрея Первозванного после того, как гетман перешёл на сторону шведского короля Карла XII. Орден так никому и не был вручен.

– Жаль, в новейшей истории России многие по праву заслужили Орден Иуды, – вставил я.

– Зато теперь Иван Мазепа национальный герой, боровшийся за самостийность Украины от «московского ярма», – с вызовом заявил Скобелев, – и в будущем году в

оборот поступит банкнота достоинством в 10 гривен с его изображением, уже отпечатанная в Канаде.

– Исторические личности всегда противоречивы, и если кто-то поднимает их на пьедестал, то с целью, в первую очередь, личной выгоды, – Василию Васильевичу пришлось явно не по душе нынешнее отношение украинцев к Мазепе. – Хочется верить, что русскому и украинскому народам хватит прозорливости не поддаваться раздорам в такое трудное время.

– Я слышал, что подлинность украинских гривен легко проверяется при помощи сала, – мне захотелось разрядить обстановку.

– Как это? – удивился Кочубей.

– Кусочком сала водят перед купюрой туда сюда, и, если изображенная на банкноте личность следит глазами за салом, значит гривна настоящая.

Утром появился Ларин, самостоятельно приехавший из аэропорта на такси. Он уже вкусил прелести экваториальной жары и был мокрый насквозь, будто упал в воду. Его багаж затерялся где-то по дороге, но выручили украинцы и дали ему свежую рубашку. Вечером мы с Лариным вывесили стендовые доклады и стоя у «постеров» отвечали на вопросы.

На следующий день в субботу во время обеда нам предложили бразильскую национальную кухню.

– Национальная кухня Бразилии представляет собой красочную и пеструю мозаику региональных латиноамериканских национальных кулинарных культур, – рассказал Василий Васильевич, подводя нас к длинному столу, заставленному большими глиняными горшками. – Для северных регионов характерно использование рыбы, корнеплодов и, конечно, фруктов, среди которых преобладают в основном экзотические — танжеринны, кажу, гуява, араса, гравиола, женипапо и еще десяток других с такими же малознакомыми для Вас названиями. Из них делают соки, компоты, всевозможные муссы и многое другое.

Большое влияние на бразильскую кухню оказали африканские рабы. За четыре столетия в Бразилию привезли около десяти миллионов африканцев. Большая их часть попадала в страну через Сальвадор. Поэтому и город, и штат до сих пор — самые «черные» в стране. Африканцы и придумали характерное для всей Бразилии блюдо – фейжоада, смешивая остатки свинины, достающиеся им по субботам со стола хозяев, с черными бобами, которыми кормили животных. Португальцы стали добавлять в это блюдо сосиски и колбасу, а индейцы фарофу – смесь муки маниоки с маслом.

В этом кувшине бобы со свиными хвостами, в этом бобы со свиными ушами, здесь со щеками, а здесь с требухой.

Мы попробовали понемногу из каждого горшка, но большой разницы не почувствовали, хотя бобы оказались очень вкусными и напоминали кавказское лобио.

– А это, – Василий Васильевич подвел нас к металлическому сосуду с краником как у нашего самовара, – национальный напиток кайпиринья, который традиционно подают к фейжоаде. В его состав входит кашаса – крепкая водка из сахарного тростника с добавлением лимонного сока, сахара и, конечно, льда.

Но пить крепкие напитки в такую жару, да еще в середине рабочего дня научной конференции не очень здорово, поэтому мы пригубили по крошечному наперстку кайпириньи.

– А какое на Ваш взгляд самое вкусное бразильское блюдо? – спросили мы Василия Васильевича.

– Пожалуй, вирадо-а-паулиста – молочный поросенок с молодым кокосом.

После обеда Василий Васильевич повез нас четверых на своем Ситроене показать город. Он рассказал, что Белем имеет четырехсотлетнюю историю, и большинство достопримечательностей относятся к колониальному периоду. Наибольший интерес представляют: здание генерального штаба, барочный собор, рынок Вер-У-Пезу – самый большой в

стране, крепость Каштелу, городской собор и церковь Игрейя-де-Мерсес. Все эти сооружения оказались достаточно скромными и не произвели на нас особого впечатления.

– А вот у нас в Украине..., – Скобелев полчаса хвастался украинской архитектурой.

– Не удивляйтесь бедности местной архитектуры, – немного смутился Василий Васильевич, – просто в те времена корабли везли из Бразилии в Европу различные колониальные товары, а из Португалии шли порожняком, и чтобы пустые корабли не болтали на волнах, для балласта их нагружали известняком. Из этого камня и строили первые здания, – разъяснил он.

На обратном пути в отель Василий Васильевич рассказал об экономике восточной Бразилии: в штате Пара собирают бразильский орех, каучук, заготавливают древесину, а так же возделывают маниок, сахарный тростник, кукурузу, фасоль, джут, рис, табак и чёрный перец.

– А какие полезные ископаемые здесь добывают? – спросил Верхогляд.

– В долине реки Токантинс ведётся добыча горного хрусталя. В штате открыто самое крупное в мире месторождение железной руды и разведаны богатые запасы золота. Вы не удивляйтесь, сейчас начнутся «ламбады», – предупредил нас Василий Васильевич.

– Ламбада это вроде танец? – блеснул эрудицией Скобелев.

– Да, это музыкальный стиль и танец, возникший как раз в нашем штате Пара. В его основе лежат движения танца каримбо индейцев Амазонии. Из-за непристойности этих сексуальных движений предшественник ламбады танец матчиш в начале века в Бразилии запрещали. Но, после того как он стал широко известен в Европе и Северной Америке, его популярность возродилась и в Бразилии.

– Мы сейчас увидим настоящую ламбаду? – удивился Верхогляд.

– Не то что увидите, а сами будете ее исполнять.

– Как это? – опешил Скобелев, – я не танцую!

– Приготовились, опа! – воскликнул Василий Васильевич.

Автомобиль вдруг наехал на пологий и широкий горб поперек дороги, так что пассажиры одновременно сделали непристойное сексуальное движение.

– Вот эти горбы на дорогах у нас и называют ламбадами. Под ними лежат канализационные канавы. И мы будем так прыгать через каждые двести метров.

Мы возвратились в отель на симпозиум и прослушали еще несколько докладов.

– Сегодня вечером мы будем ужинать не в отеле, а в ресторане «Барбекю», – сообщил нам Василий Васильевич после окончания заседаний, – в этом заведении готовят на углях блюда из мяса, рыбы, грибов и овощей, запеченные на шпаях или рашпере – двусторонней решётке с ручкой. В Бразильской кухне самое распространенное барбекю из мяса антилопы зебу.

– А почему именно антилопы? – удивились мы.

– Потому что коров в Бразилии практически нет, так как здесь слишком жарко, и они не прижились. Вместо них разводят африканских антилоп зебу, завезенных в Южную Америку около ста лет назад. Они похожи на коров, но отличаются наличием горба. Зебу также применяются для верховой езды и как рабочий скот, тянут плуг и повозку

Мы подъехали к ресторану, и при входе секретарь конференции выдал нам входные билеты и по два разноцветных пластмассовых жетона.

– Это билет для входа в ресторан, – разъяснил Василий Васильевич, – он стоит десять реалов, это около одиннадцати долларов. А жетоны – один для получения безалкогольного напитка, а другой для пива.

Центр зала украшал большой круглый стол с разнообразными салатами, приправами, фруктами и соусами, которые выбирали по вкусу самим посетители. Вдоль стен

расставлены длинные столы, около них стулья с высокими резными спинками. У столов ходили официанты с большими кусками вкусно пахнущего жареного мяса, нанизанных на длинные шампуры.

Украинцы сразу наложили в свои тарелки разнообразные салаты и закуски. К нам подошел официант с длинным шампуром. Украинцы подставили свои тарелки, думая, что им сейчас положат по целому куску мяса.

– Ребята, в этом заведении не стоит спешить и быстро наедаться, – предупредил Василий Васильевич, – мясо надо смаковать. Официант отрежет Вам любой кусочек, какой Вы пожелаете.

Он подставил свою тарелку и показал официанту, что верхнюю поджаристую корочку на куске надо срезать и отрезать тонкий ломтик мяса с кровью. Мы попросили сделать нам также.

Официант забрал тарелку с обрезками мяса и удалился на кухню.

– А что будут делать с обрезками? – поинтересовался Верхогляд.

– Не волнуйтесь, они не пропадут. Их пропустят через мясорубку и добавляют в различные блюда. А мясо, которое осталось на шампуре снова обжарят на гриле и вынесут в зал посетителям.

Ломтики мяса с кровью мы быстро съели и украинцы собрались за новой порцией салатов.

– Еще раз напоминаю, не наедайтесь быстро, – остановил их Василий Васильевич, – оставьте место для мяса. Официанты будут ходить с шампурами, и предлагать мясо до тех пор, пока все не насытятся.

– Ну, этого они от нас не дождутся, – пригрозил Скобелев, – не на тех напали!

– Молодцы, ребята, так держать, – похвалил нас Василий Васильевич.

К нам подошли сразу два официанта с шампурами.

– На этом шампуре мясо от лопатки зебу, – пояснил Василий Васильевич, – а на этом горб зебу.

– Разве горб зебу съедобен? – удивился Скобелев. – Там же сплошной жир.

– Горб зебу не предназначенного для накопления жира как у верблюда и состоит в основном из мышц. Биологи до сих пор не знают его назначение.

В процессе поедания мяса мы уже стали различать по вкусу разные части антилопы. Кроме того, на шампурах приносили свинину, куски индейки, и даже пираний, зажаренных на рашпере – двусторонней решётке с ручкой.

Посетители ресторана насытились, и все официанты с шампурами сосредоточились возле нас.

– Это язык зебу, это лопатка, это шея, – едва успевал переводить Василий Васильевич.

– И язык зебу, и лопатку и шею! – разошлись украинцы.

– И горб зебу! – добавил я.

– Правильно, ребята, не сдавайтесь, – ободрял нас Василий Васильевич.

После сокрушительно ужина в ресторане я так объелся, что утром есть не хотелось. Перед завтраком в номер заглянули украинские ребята и позвали в ресторан.

– Не могу больше есть, – признался я, – мясо зебу у самого горла стоит, и сам я как зебу скоро замычу.

– Пойдемте, – пристали ко мне ребята, – хоть фруктов поедите – папайя, танжерини, кажу, гуява, араса.

И как они запомнили такие мудреные названия?

Что нас больше всего удивляло, так это привычка бразильцев целоваться при встрече и прощании. Причем целовались даже студентки с преподавателями. Конечно, такая близость часто заканчивалась браками.

– В Бразилии помнят Брежнева и думают, что в России все мужчины тоже целуются в губы при встрече, – разъяснил нам Василий Васильевич.

После нашего отъезда Василий Васильевич второй раз женился на студентке, которая соблазнила его своими поцелуями. И у них родился сын Василий.

Наконец симпозиум закончился. Нам предстояла целая неделя геологических экскурсий в Амазонии на Западе Бразилии, вблизи границы с Боливией.

Перед отъездом в аэропорт мы тепло попрощались с Василием Васильевичем Кочубеем и обменялись адресами. Но переписка, почему-то, так и не состоялась.

Боинг 737 компании Вариг разбежался по полосе аэродрома и круто взмыл в ночное небо. Казалось, что мы сейчас покинем Землю и навсегда улетим к звездам в космическое пространство. Но самолет выровнялся и взял курс на Юг на столицу Бразилии, которая назвалась Бразилиа. Полторы тысячи километров мы летели в непроглядной ночи и только огни пожарищ красными углями светились внизу. Через три часа лайнер совершил посадку в столичном аэропорту. Здесь нас ожидала пересадка. Следующий самолет вылетал только через восемь часов и все устали слоняться по ночному аэропорту. Наконец Боинг 737 вылетел в Порту Вельхо столицу штата Рондония.

– Название Порту Вельхо означает «Старый Порт», так как город рос вокруг порта, на берегах реки Мадейры, – рассказал нам на русском языке эрудированный Алексей Алексеевич Волборт минералог из Атланты, – история города тесно связана с железной дорогой, построенной через леса Амазонии в 1912 году. Но после падения спроса на бразильский натуральный каучук, железная дорога пришла в упадок и ее закрыли в 1972 году. В настоящее время только семь километров пути используется для туристических поездок. Трагические события при строительстве этой дороги описаны в нескольких книгах и кинофильмах.

Стюардессы ходили по салону и предлагали всем разные напитки. Особенно запомнился крепко кофе в маленьких

чашечках. Мне казалось, что я сходу смогу выпить штук пять таких чашечек, но кофе оказался таким насыщенным, что вполне хватило и одной.

Внизу под крылом самолета медленно проплывали тропические леса, горы и реки. На первый взгляд казалось, что эта земля вовсе не населенна не было видно ни дорог, ни городов, ни деревень.

Стюардесса опустила большой раздвижной экран в передней части салона. На нем появилось изображение нашего Боинга. Создавалось ощущение, что мы летим сзади собственного самолета и видим его сверху. Сравнивая пейзажи на экране и те, которые видны в иллюминаторы, я поразился их точному сходству. Вероятно, специально смонтированную видеозапись включали синхронно с географией полета.

В семь часов утра из отеля Рондон в городе Порту Вельхо мы отправились в первую геологическую экскурсию на гранитный массив Санто Антонио. Особенно впечатляли обнажения на реке Мадейра правом притоке Амазонки. Август для Бразилии зимний месяц, когда дожди идут редко, и уровень реки был самым низким. Но и в это время ширина реки составляла около километра. Представляю, как она выглядит после тропических ливней.

Но даже мощная и стремительная река не произвела на меня сильного впечатления – наши северные реки ничуть не хуже. А вот геологией я просто упивался. На побережье, где вода отступила, обнажались обточенные водой выходы гранитов рапакиви. В Протерозое 1400 миллионов лет тому назад огненно-жидкая магма внедрилась в земную кору на глубине шести километров и постепенно застыла, превратившись в гранит.

Ко мне подошел минералог Алексей Алексеевич Волборт и я рассказал ему свою концепцию образования гранитов рапакиви. Он вежливо выслушал меня, но особого восторга не показал. Его больше интересовала живая природа.

Алексей Алексеевич не расставался с видеокамерой, на которую снимал все подряд. Я быстро сообразил, что в конце экскурсий мы сможем переписать снятые им фильмы на чистые видеокассеты. Алексей Алексеевич пообещал, что даже если в Бразилии нам не удастся переписать фильмы, он обязательно найдет оказию, чтобы переслать их копии к нам в Россию.

– Мадейра самая рыбная в мире река – мечта всех рыболовов на свете, – стал рассказывать Алексей Алексеевич подошедшим украинцам, – у меня в Атланте куплен участок земли с отработанным карьером по добыче камня. Такая земля стоит очень дешево. Я убрал мусор и лишние камни, спланировал ландшафт, а в затопленном водой карьере развел форель. И теперь по утрам выхожу из дома с удочкой, сажусь в кресло на мостках и, попивая кофе, ужу рыбу. А как поймаю форель, то целую ее в губы и отпускаю.

– А у нас в Украине, – начал, было, Скобелев, явно собираясь потрясти американца изобилием рыбы в украинских реках, но его вовремя перебил Ларин:

– Хорошо, что у Вас в пруду не водятся пирании, – усмехнулся он.

– Пиранию в Амазонке я еще поймаю, – пообещал Алексей Алексеевич, – но целовать не буду.

– Между прочим, – мне тоже захотелось блеснуть эрудицией, – по легенде правитель Империи Великих Моголов Джехангир был страстный рыбак, – когда он вылавливал рыбу, то в благодарность за счастье, которое она ему доставила, одевал ей на плавники драгоценное ожерелье и отпускал.

– Это достойно, – оценил красивую легенду Алексей Алексеевич.

На двух автобусах и джипе сопровождения мы несколько дней колесили по пыльным дорогам Рондонии. Начало августа в Бразилии зима и сухой сезон. Жара дикая. В автобусах не было кондиционеров и поэтому рядом с водителем в проходе

стояли два ящика со льдом и пластмассовыми бутылочками с минеральной водой, которую мы пили каждые полчаса.

Помимо жары мучила красная всепроникающая пыль, образующаяся при разрушении коренных горных пород в условиях жаркого тропического климата. Она так въедалась в кожу, что отмывалась с большим трудом.

После маршрута мы несколько часов ехали по шоссе к очередному городу, в котором предстояла ночевка. На крутых поворотах фары автобуса выхватывали из темноты пожухлую траву и кустарник, да невысокие деревья папайи на плантациях. Иногда по сторонам дороги в ночи возникали тусклые огни одиноких хижин.

Вдруг в голове как-то сами сложились слова: «Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге, дрожащие огни бразильских деревень», но тут же вспомнил; что лишь перефразирую Лермонтова. Жаль, что великие уже давно успели сказать все обо всем. Только придет в голову интересная мысль или стих сочинишь, и, оказывается, все это уже было сказано. Как справедливо заметил Станислав Ежи Лец: «Уже много столетий назад украл у меня кучу мыслей Сократ».

Каждый день после длинного утомительно маршрута, большая часть которого проходила в душном и пыльном автобусе, нас привозили на ночевку в отель. Обычно меня, Ларина и двух украинцев селили в одном четырехместном номере. Наскоро переодевшись и умывшись, мы снова возвращались к автобусу и ехали на ужин в какой-нибудь ресторан, а потом назад в отель.

– Мы уже неделю без алкоголя, – сокрушался Скобелев, – какое же это гостеприимство. Вот если бы конференция проходила у нас на Украине, то каждый день всех угощали горилкой.

– Доллар за трехсотграммовую баночку минеральной питьевой воды, – воскликнул Верхогляд, разглядывая меню холодильника-бара, – однако!

– А стограммовый шкалик с виски или с джином около трех, – добавил Ларин.

– Михалыч, – обратились ко мне ребята, – тебе надо подумать, как будешь отмечать свой день рождения.

– Закажу в ресторане за ужином выпивку на всех, у меня предусмотрено на это сто долларов.

– Предупреждаю, если ты рассчитываешь угостить алкоголем в ресторане тридцать с лишним человек, то, на это не хватит твоих денег, – предупредил меня Верхогляд.

– Даже если мы отдадим тебе все наши деньги, их всё равно не хватит, – поддержал его Скобелев, – а нам еще три дня в Рио-де-Жанейро жить.

– Проще купить в магазине пару бутылок джина и выставить их на стол за ужином, – сообразил Ларин.

– Где же мне купить спиртное, выезжаем рано, когда еще темно, а на ночевку в город приезжаем поздно, когда уже темно.

– Думай, коллега, ты же кандидат наук, да еще и геолог.

– Безвыходных положений не бывает, – глубокомысленно заключил Ларин.

Мне вдруг вспомнилось изречение экспедиционного рабочего моего брата – Папы Кима: «Если выхода нет здесь, значит, он должен быть где-то рядом!» И действительно, если не спешить, и не суетиться, выход действительно находился рядом.

Обычно во время автомобильных переездов и маршрутов, автобус сопровождал джип, которым управлял чернокожий рабочий чем-то напоминающий добродушного силача Геркулеса из «Пятнадцатилетнего капитана». Во время остановок, он доставал из кузова пятикилограммовую кувалду и сопровождал экскурсантов. Вначале я никак не мог взять в толк, зачем он с нами ходит. Но скоро понял, что его специально взяли в экспедицию, чтобы откалывать для геологов образцы горных пород, так как многие профессора были уже пожилыми людьми. При этом геологи хотели не

просто кусок камня, а образец со смыслом, в котором видна структура и текстура породы. Геркулес делал это абсолютно бездарно. Замахиваясь кувалдой из-за головы, он со страшной силой лупил по камням как попало. В результате каменная крошка с визгом летела в разные стороны как от взрыва, а образцы не откалывались. Я забрал у рабочего кувалду и сам отбивал образцы для геологов, вызывая всеобщее одобрение, так как делал это быстро и профессионально. Геркулес с уважением смотрел на мою работу и всячески выражал мне свою признательность.

Этим я и решил воспользоваться для осуществления задуманного плана. После экскурсии мы приехали в очередной уже спящий городок Парана с темными и пустынными улицами. Отужинали в ресторане «Бразейро» большим количеством жареного мяса

Когда разместились в гостинице с гордым именем Vitoria Hotel, я подошел к Геркулесу, который встретил меня благодарной и добродушной улыбкой, протянул ему руку и представился: «Анатолий».

Отвечая на мое крепкое рукопожатие, он назвал свое имя, которое, по обыкновению, тут же вылетело у меня из головы, и я продолжал мысленно называть его Геркулес

Мой спич на английском языке не произвел на него никакого впечатления, и он растерянно улыбался. Этого я никак не ожидал, и думал, что он хоть немного понимает по-английски. Это грозило провалом моего плана. По-португальски я знал всего несколько слов из разговорника.

– Джин! – произнес я, рассчитывая, что название этого напитка интернациональное, и не ошибся.

– О! Джин, джин! – воскликнул Геркулес, радуясь, что понял мои намерения, и жестом предложил мне занять место пассажира, для того чтобы отвезти в место, где есть этот напиток.

Он завел джип, и мы помчались по пустым и темным улицам. У освещенной веранды Геркулес затормозил и

жестом предложил выйти. Под навесом за стойкой бара сидели два креола. Геркулес подвел меня к стойке и многозначительно произнес, указывая на меня пальцем:

– Джин!

– О! Джин! – радостно воскликнул бармен и достал с полки запыленную бутылку с джином, в которой жидкости оставалось всего на пару рюмок.

Я сообразил, что он хочет просто налить мне выпивки, и решительно затряс головой. Жестами и немногими английскими словами я объяснил, что мне нужна целая бутылка с собой.

Бармен с сожалением развел руками, и жестом показал, что джина больше нет. Ситуация зашла в тупик.

– Супермаркет! – воскликнул я.

– О, супермеркадо! – эхом отозвался сообразительный Геркулес и жестом пригласил меня в машину.

Мы вновь помчались по пустым темным улицам. У дверей ярко освещенного магазина он затормозил и жестами показал мне, что надо быстрее делать покупки, так как заведение скоро закроется. Я влетел в совершенно пустой магазин и звериным чутьем нашел стеллажи с бутылками. Положил в корзинку пару бутылок джина и пластиковую бутылку с тоником. У выхода сообразил прихватить банку пива для Геркулеса. Все это стоило около двадцати реалов.

Увидев меня с такими покупками, Геркулес сначала удивился, а потом жестами выразил мне свое восхищение, уверенный, что я собираюсь один выпить такое количество алкоголя. После недолгих уговоров он принял от меня в подарок банку пива.

– Можешь, если захочешь! – радостно воскликнул Володя Скобелев, когда я с покупками появился в номере. – Бегу за льдом! – он схватил ведро и помчался к автомату со льдом в холле гостиницы.

– Мы что же, сейчас пить будем? – опешил я. – А что останется на день рождения?

– Не знаю как в России, – а у нас на Украине действует правило: – «никогда не оставляй на завтра то, что можешь выпить сегодня», – авторитетно заявил Виктор Верхогляд.

– У нас в России такие же правила, – поддержал его Ларин.

– Ладно, день рождения еще послезавтра, успею купить, – уступил я.

Скобелев притащил ведро со льдом.

– Ну, давайте «по-нашему, по-бразильски!» – произнес тост Верхогляд.

Часа два мы смаковали бутылку джина с тоником и льдом. Но вторую я выпить не дал, как меня не уговаривали. Вдруг завтра не получится купить.

Утром Геркулес встретил меня восхищенной улыбкой, уверенный, что я в одиночку выпил два литра джина и, при этом выгляжу достаточно бодро.

В маршруте я опять взял у Геркулеса кувалду, и целый день отбивал образцы гранитов для всех желающих.

Ужин «а ля барбекю» был организован на открытой веранде горнодобывающей компании Паранапанема – спонсора конференции. Подавали много жареного мяса, фруктов, и даже жареную пиранию.

– Конкретной рыбы «пирания» нет, – рассказал нам всезнающий Алексей Алексеевич, – а существует около полусотни различных видов с таким названием. Многие пирании травоядны и лишь некоторые представляют опасность для животных.

Я сходил на кухню и подсмотрел технологию приготовления пирании. Выпотрошенную рыбу солили, начинали внутренности чесноком, и поливали соком лимона. Потом обваливали в муке и жарили на сковороде. На стол подавали с рисом, салатом и лимоном. На вкус пирания – просто жареная рыба, ничего особенного.

Ужинали до глубокой ночи. Местные геологи, узнав, что среди экскурсантов есть русские, подошли к нам и с уважением пожали руки.

В непроглядной и жаркой тропической ночи трещали бразильские цикады.

Утром во время экскурсии к нам подошел Алексей Алексеевич и сообщил, что вчера 9 августа в Сальвадоре при подлете к Сан-Сальвадору врезался в вулкан Чиконтепек Боинг 737 гватемальской компании Aviateca. Погибли все 60 человек, находившиеся на его борту.

– На всякий случай я уже позвонил домой в Атланту, чтобы родственники не беспокоились, и я живой. Хотя им известно, что я должен лететь бразильской авиакомпанией Varig.

– Быть может и нам стоит позвонить в Киев и сообщить родственникам, что мы живы и здоровы? – Скобелев вопросительно посмотрел на Виктора.

– А Вашим родственникам из-за чего волноваться, вы же летели российским Аэрофлотом, – удивился Ларин.

– Именно в этом все дело, Аэрофлот не очень надежная компания.

– Это почему же Аэрофлот ненадежен? – мне вдруг стало обидно за отечественную авиакомпанию.

– У нас даже анекдот про нее есть, – ухмыльнулся Скобелев, – в одном аэропорту объявляют по трансляции: «Хотел совершить посадку рейс Аэрофлота номер тринадцать».

– Ну, и летали бы своими надежными и безопасными авиакомпаниями, – обиделся Ларин за державу.

– Они в Бразилию еще не летают, и только набирают силу.

– И судя по рекламе весьма успешно, – не выдержал я, – «Не всякая птица сможет долететь до середины Днепра, но это уже можем сделать мы – украинские авиалинии!»

– Вот и обменялись любезностями, – усмехнулся Алексей Алексеевич.

– Это мы по-братски пикируемся, – нашелся Скобелев, – украинская, русская и белорусская народности сформировались из древнерусского объединения восточнославянских племен, государственность которых началась с эпохи Киевской Руси. Поэтому, украинцы по праву должны считаться старшими братьями, а белорусы средними.

Володя явно намекал на сказку Ершова «Конек-горбунок», в которой: «У крестьянина три сына: старший умный был детина, средний сын и так и сяк, младший вовсе был дурак».

Мы с Лариным кивнули головами, соглашаясь с тем, что украинцы наши старшие братья.

– Только старший брат не всегда самый умный, – не удержался от замечания Анатолий.

Автобус остановился около плантации, на которой росли невысокие папайи и какие-то странные деревья с большими круглыми плодами.

– А это что за фрукт? – я показал Алексею Алексеевичу на плоды с гладкой кожей очень похожие на арбуз.

– Это кабаса – бразильская тыква. Ее высушенные плоды используют для изготовления беримбау – одного из самых древних музыкальных инструментов в Латинской Америке. Струна натягивается на изогнутую, как лук, палку, а внизу инструмента привязывают высушенную тыкву – кабасу, которая служит резонатором. Играют на беримбау палочкой – смычком как на скрипке.

Беримбау

– Наверное, получается божественный звук!? – ухмыльнулся Скобелев.

– Оригинальный и незабываемый, – подтвердил Алексей Алексеевич.

После маршрута нас повезли на ночевку в большой поселок в гостиницу, принадлежащую горнодобывающей компании Паранапанема. Страшно хотелось быстрее под душ смыть с себя всепроникающую красную пыль, выстирать рубашку и переодеться в чистое белье.

Но украинцы еще в автобусе напомнили мне, что завтра мой день рождения, а оставшейся бутылки джина на тридцать человек будет явно недостаточно.

Стало ясно, что душ придется отложить и опять искать супермаркет.

– Если я сразу поеду в магазин, то, как узнаю, в каком номере меня поселили?

– Мы будем ждать тебя на улице перед отелем, – успокоил меня Скобелев.

Когда все зашли в гостиницу, я подошел к Геркулесу и произнес заветное слово:

– Джин!

– Водитель широко улыбнулся, завел свой джип, и мы помчались по пустынным ночным улицам.

Супермаркета в этом поселке не было, но магазин в центре оказался вполне приличным. Я взял две бутылки джина и тоник, уверенный, что коллеги опять раскрутят меня на бутылку.

Восторгам Геркулеса не было предела. Представляю, что он рассказывал своим друзьям о русских алкогольных гигантах, способных в одиночку выпить за вечер два литра крепкого джина.

Конечно, украинцы опять раскололи меня на бутылку джина.

В день моего рождения мы до ночи колесили по пыльным дорогам. Черная футболка насквозь пропиталась красной

пылью, и в душе гостиницы мне так и не удалось ее отстирать. Из одежды осталась только сувенирная майка с эмблемой симпозиума и фото бразильского гранита рапакиви на груди, подаренная Роберто. Нас повезли на ужин в местный ресторан. Как по заказу все уселись за общий длинный стол. Гарниры и салаты каждый брал сам, а жареные антрекоты из антилоп зебу подали на подносах в количестве, явно превосходящем аппетиты геологов.

Я подошел к Роберто и сообщил, что хотел бы угостить коллег по поводу моего дня рождения. Ребята выставили на стол две бутылки джина.

Профессор университета Сан_Пауло Эберхард Верник стал обходить вокруг стола с раскрытым бумажником в руках, в который участники симпозиума складывали деньги.

– Смотри, – шепнул мне Ларин, – это тебе на подарок собирают.

Но, почему-то с Ларина и украинцев Верник деньги не взял. Он ушел на кухню ресторана, и оттуда вынесли кремовый торт с зажженной свечой в центре.

Все дружно затянули: «Happy Birthday to You» (С днём рождения тебя).

Я задул свечу, и меня приветствовали аплодисментами.

Вдруг сзади кто-то тронул меня за плечо. Рядом с профессором Верником стояла молоденькая красивая девушка, и я подумал, что она официантка.

– We give you this girl for this evening, – с усмешкой произнес Эберхард.

Я не сразу понял, что он сказал, но потом в мозгу возник перевод: «Мы дарим тебе эту девушку на сегодняшний вечер».

«Вот оно – растленное лицо запада!» – саркастически заметил мой внутренний голос.

Ларин подвинулся, и девушка оказалась рядом со мной. Скажу честно, что это была самая красивая бразильянка, которую я видел за всю поездку.

Под всеобщие аплодисменты девушка поцеловала меня в щеку.

Народ внимательно наблюдал за моей реакцией, явно ожидая смущения, но я не тушевался и не в таких ситуациях.

«Не дождетесь!» – гордо ответил коллегам мой внутренний голос, а вслух я сказал:

– Thanks, friends (спасибо друзья)! – и сделал такое невозмутимое лицо, будто мне чуть ли не каждый день дарят напрокат девушек и для меня это дело вполне привычное.

Все стали требовать разделки торта.

Девушке я положил самый большой кусок, за что меня еще раз наградили аплодисментами.

Украинцы разлили всем джин.

– Михалыч, не тушуйся, – ободрил меня Верхогляд, – приглашай ее в номер, а мы на улице погуляем.

Коллеги пожелали мне здоровья и успехов в деле изучения гранитов рапакиви. Все потребовали от меня ответный спич.

Тостов я знал много и при некоторой подготовке смог бы произнести их на английском языке. Но экспромта побаивался.

Выручил меня Алексей Алексеевич Волборт.

– Говорите по-русски, я переведу, – предложил он.

– У ворот рая апостол Петр говорит геологу:

«Тебе, дружище, придется идти в ад».

«Это с какой радости? – возмущается геолог. – Я всю жизнь себя не жалел, комаров в тайге кормил, не доедал, не досыпал и даже месторождение золота открыл. И тут правды нет! Я так не согласен и буду жаловаться Всевышнему!»

«Вообще ты прав, – смутился апостол, – и по всему тебе положено в рай, но ты пойми ситуацию: я по глупости уже пустил туда двух геологов. Они теперь целыми днями говорят только о геологии: спорят, орут, чуть не подрались. Какой уж тут рай? Да еще ты появишься, что тогда будет? Всем известно, что у трех спорящих геологов, по крайней мере, четыре точки зрения».

«А ты возьми меня на испытательный срок, – просит

геолог, – я поговорю с ребятами недельку и сделаю так, что они сами уйдут из рая».

Согласился апостол. Три геолога неделю спорили и орали, показывая руками куда-то в горы, которые, со всех сторон окружали райские кущи. Наконец, первые два геолога собрали рюкзаки, наполнили их райскими яблоками и отчалили в горы.

И наступила настоящая райская благодать! Ни шуму, ни крику. Прошла неделя, другая и оставшийся геолог, стал потихоньку собирать рюкзак.

«А ты куда? – удивился Петр, – Эти двое слиняли, тишь, да благодать. Оставайся! Сам же хотел в рай».

«Видишь ли, – смутился геолог, – я тем двоим, соврал, что в горах видел кимберлитовую трубку с алмазами. А они не верили и утверждали, что этого не может быть».

«Ну и что? Ты же им соврал».

«Да, но их нет уже две недели! А вдруг они там что-нибудь уже нашли?»

Так выпьем за то, чтобы настоящие геологи даже в раю оставались геологами!

Тост всем очень понравился, и коллеги дружно подняли бокалы с джином.

Меня попросили танцевать с девицей.

– Ламбаду! – громко закричали украинцы.

Кто-то из оркестра услышал эту просьбу, и музыканты заиграли «Ламбаду» поп-группы Каома. Девица стала профессионально и грациозно совершать передо мной непристойные сексуальные движения индейцев Амазонии, приглашая к танцу.

Коллеги дружно аплодировали, подбадривая меня. Представляю, как бы я лихо смотрелся, извиваясь в похотливых движениях перед молоденькой девчонкой. Но Судьба, на этот раз, оказалась ко мне благосклонна и не выставила на посмешище. Какой-то страстный чернокожий бразилец не выдержал, выскочил на сцену и стал танцевать с

моей девушкой. Руки и ноги у него ходили, как на шарнирах. Партнеры словно прилипли друг к другу.

Наконец-то мы увидели настоящую ламбаду. Наблюдая за страстными сексуальными движениями танцующих, Ларин глубокомысленно заметил:

– Думаю, если они не лягут, у них ничего не получится.

В конце вечера бразильянка многообещающе на меня поглядывала, а украинцы недвусмысленно подмигивали и толкали в бок.

Но, как учили меня перед стажировкой в Китае: «Руссо специалистом облик морале!» На прощание я поцеловал девушку в щечку и незаметно, на всякий случай, вложил ей в ладошку десять реалов. Знай наших, русские не только скромные, но и щедрые.

По дороге в отель украинцы насмеялись над моим целомудрием и уверяли, что я потерял единственный в жизни шанс узнать бразильскую женщину. Уверен, что им самим было слабо поступить по другому в данной ситуации, но они пыжились как заправские ловеласы.

– Ребята, я никогда не сомневался, что украинцы самые темпераментные мужики в мире, и, поэтому, хотел уступить девушку Вам, – скромно разъяснил я, – но вспомнил, что по законам Бразилии за сексуальную связь с несовершеннолетними полагается десять лет тюрьмы. Обидно, если бы высококвалифицированные украинские геологи так долго ломали граниты рапакиви на месторождении бутового камня.

– Но, зато, они наверняка нашли бы уникальные образцы со структурами антирапакиви, – заметил Анатолий Ларин.

– Я читал, что в бразильских тюрьмах некоторых заключенных при определенных обстоятельствах, на праздники отпускают домой, – нашелся Скобелев.

– Это же совсем меняет дело, – усмехнулся Верхогляд.

Наконец, мы посетили месторождение олова в коре выветривания одной из разновидностей гранитов рапакиви. Рудный минерал касситерит – оксид олова встречался в этих гранитах в форме мелких рассеянных кристаллов. Кроме того, в этих гранитах также встречались топазы иногда довольно крупные. Месторождение представляло собой гранитный массив, минералы которого в условиях жаркого тропического климата заместились глинистым минералом каолинитом. А кварц, топаз и касситерит остались неизменными. В огромном карьере экскаваторы вычерпывали красную глину, в которую превратился твердый гранит. Эту глину промывали водой на концентрационных столах и извлекали тяжелые минералы – касситерит и топаз.

Над карьером в воздухе стояло облако всепроникающей красной пыли. Она покрывала крыши зданий, траву и деревья. Нас отвели в помещение, где происходила сортировка касситерита и ювелирных топазов. На длинном столе лежали небольшие полиэтиленовые пакетики с касситеритом, специально приготовленные в подарок участникам симпозиума. Кучками лежали крупные кристаллы топаза.

– На этом месторождении топазы в основном бесцветные или слабо голубоватые, – рассказал нам профессор федерального университета Сан-Пауло Джордж Беттенкурт. – Для ювелирной промышленности эти топазы окрашивают с помощью ионизирующего радиоактивного или ультрафиолетового облучения. Вы можете выбрать себе камни на память о посещении наших бразильских гранитов рапакиви, – закончил он.

Все столпились у стола, и только украинцы с гордым независимым видом отошли в сторону.

– Тоже мне, топазы, – усмехнулся Скобелев, – да у нас на Вольни чистейшие кристаллы топазов величиной с голову.

Действительно, в коллекции болгарского минералога Миши Малеева директора музея «Земля и люди» в Софии я

видел такие огромные кристаллы с Волыни. Представляю, какие образцы есть в минералогических музеях Украины.

– Конечно, у вас в Украине говорят даже пчелы большие как гуси, когда летят и гудят – земля дрожит, – не удержался Ларин от ехидной насмешки.

Украинцы скромно промолчали и не стали отрицать, что на их родине действительно огромные пчелы.

Иностранные коллеги копались в грудях топазов, стремясь найти бледно голубые кристаллы, и к столу было не пробиться. Я просунул руку между двумя шведами и схватил целую горсть топазов.

– Ну, и как ты повезешь эти камни через российскую таможеню? – стали насмехаться украинцы.

– Так же как другие образцы рапакиви и касситерит, – смело ответил я, – топаз не относится к числу камней, запрещенных к ввозу.

К нам подошел Алексей Алексеевич Волборт – настоящая геологическая энциклопедия, который жаждал поделиться с кем-нибудь своими знаниями.

– Топазы крайне чувствительны к воздействию света и после долгого пребывания на ярко освещенной витрине могут стать бесцветными. Зато в темноте они легко возвращают себе прежнюю насыщенность цвета. За это топаз прозвали «вечерним» камнем, – рассказал минералог.

– И как долго облученные топазы сохраняют искусственно полученный цвет? – спросил Скобелев.

– Искусственная окраска топазов очень устойчива и камни не выцветают со временем.

– А камни потом не становятся радиоактивными? – поинтересовался Верхогляд.

– Вы что, боитесь облучения? – усмехнулся Алексей Алексеевич.

– Виктор у нас герой, он участвовал в ликвидации Чернобыльской аварии, получил дозу облучения и медаль, – сообщил Скобелев.

– Извините, не знал. Разрешите выразить восхищение Вашим мужеством, – Алексей Алексеевич с чувством пожал руку Виктора.

Верхогляд смутился.

– После нейтронного облучения еще не огаженный минерал всегда проходит стадию «охлаждения» в течение нескольких недель и хранится в специальном закрытом контейнере. За это время происходит полный распад всех образовавшихся при облучении радиоактивных изотопов, которые могут оказать вредное воздействие на человека. Такие драгоценные камни совершенно безвредны для здоровья.

– А каким символом является топаз? – спросил я Волборта, и с гордостью показал украинцам доставшиеся мне камни, но они презрительно скривились, как при виде мелких российских пчел.

– Топаз – символ дружбы и честности, – Алексей Алексеевич явно обрадовался возможности поделиться своими знаниями, – для мужчин топаз любого цвета – мудрость, великодушие и интеллект, для женщин – красота и плодородие. Индийские йоги считают топаз камнем-стимулятором наивысшей чакры – Сахасрары и используют его при медитации для достижения соединения личности с Высшим разумом.

– А кому можно его дарить? – спросил я, так как собирался презентовать по кристаллу всем сотрудникам кафедры.

– О, дарить топаз, значит желать человеку счастья, удачи в делах и выказывать свое расположение. Существует поверье, что вместе с магическим камнем вы дарите тепло души.

Алексей Алексеевич рассказывал увлеченно и с удовольствием. Чувствовалось, что он очень много знает о драгоценных камнях и минералах.

– И какому знаку Зодиака соответствует топаз?

– Астрологи рекомендуют его в виде талисмана почти для всех знаков Зодиака. Разница только в цвете минерала, например, для Овна и Льва – розовые, красные и фиолетовые

камни, а для Козерога и Девы – бесцветные, зеленые и коричневые.

В соседнем помещении грохотали машины, в которых топазы проходили галтовку – первичную обработку во вращающихся барабанах вместе со стальными шарами. При этом трещиноватые камни раскалывались и оставались самые прочные.

Мы вышли на улицу и встали в тень под какое-то дерево. На ветках висели странные плоды похожие на удлиненные красноватые груши, внизу которых словно прикреплены крючковатые фиолетовые орехи, похожие на раковины моллюсков.

Кешью

– Это Кешью, – пояснил нам Алексей Алексеевич, – фрукт, который произрастает лишь в тропиках. То, что похоже на грушу называется яблоко-кажу, съедобно и имеет приятный кисло-сладкий вкус. Но, в сущности, это лишь разросшаяся плодоножка съедобного ореха. Советую Вам перед самым отъездом купить в виде сувенира бразильский шоколад с орехами кешью.

– Почему перед отъездом?

– Иначе шоколад потечет на такой жаре.

За домами на небольшой плантации я заметил еще одно высокое дерево с гроздьями крупных зеленых плодов, с кожурой покрытой множеством конусообразных выступов.

Хлебное дерево Жака

– А это Жака или джекфрут. Так называют вечнозеленое тропическое растение – «индийское хлебное дерево», которое завезли в Бразилию в восемнадцатом веке. – С увлечением стал рассказывать Алексей Алексеевич. – Древесина Жаки очень ценная, так как не повреждается термитами и грибами и, поэтому незаменима при строительстве домов. Плоды бывают до 30 килограммов весом и являются самыми большими съедобными плодами, произрастающими на деревьях. Внутри плода сочная и сладкая волокнистая мякоть, состоящая из скользких волокон, содержащая коричневые семечки.

– Так вот оно, какое хлебное дерево! – немного разочарованно произнес Скобелев.

– Фу, как неприятно пахнет, – Ларин понюхал самый большой плод, который висел ниже всех, – точно гнилой лук.

– Зато мякоть зрелого плода по запаху напоминает банан или ананас.

Жака в разрезе

– Хотелось бы его попробовать, – размечтался Верхогляд.
– Сейчас не сезон для Жаки, это еще молодые плоды. А зреет он долго до восьми месяцев. И разделять зрелый плод надо в резиновых перчатках, так как все части растения, включая кожуру, содержат клейкий латекс.

Из помещения вышли возбужденные коллеги с топазами в руках. Мы сели в автобус и отправились в долгий маршрут по пыльным дорогам Рондони.

Одно из обнажений гранитов рапакиви располагалось в паре сотен метров от места, где остановился наш автобус. Среди пожухлой травы возвышались несколько скал почти черного цвета. На самом деле это были граниты рапакиви покрытые коркой пустынного загара и лишайниками.

Бразильские граниты рапакиви

Роберто с помощью Геркулеса пересел из джипа в свою коляску и стал рассказывать о геологическом строении массива. Потом мы вместе с украинцами осторожно подняли Роберто и отнесли его в коляске к самому обнажению.

Для меня это было самое интересное обнажение, и я набрал много образцов. В этот момент, как говорят в Одессе, случился большой переполох. Оказалось, что шведа Персона кто-то укусил в ногу. Этого следовало ожидать, так как он ходил в маршруты в шортах. А голые ноги для гадов всегда соблазнительны. Поддерживаемый двумя своими соотечественниками парень на одной ноге поскакал к машине. Геркулес развернул джип, посадил укушенного и в клубах красной пыли умчался в госпиталь.

На обнажении гранитов рапакиви

Все остались ждать возвращения джипа, и гадали, кто же укусил шведа. Энциклопедист Алексей Алексеевич, хорошо подготовившийся к поездке в Бразилию, много рассказывал нам о животном и растительном мире:

– Это могла быть одна из местных ядовитых змей: ямкоголовая гадюка – жарарака, копьеголовая змея – сурукуку или гремучая змея каскавел. К счастью, для лечения людей укушенных этими змеями, во всех госпиталях имеются специализированные сыворотки, и их своевременное применение позволяет избежать смертельного исхода.

Остальные члены конференции также обсуждали тему змей и часто повторяли слово «снейк» – змея.

– Они говорят, что это могла быть еще одна самая ядовитая «зеленая змея», – перевел нам Алексей Алексеевич тему общего разговора, – но у этой змеи зубы расположены глубоко в пасти, и она не может прокусить кожу человека.

Возможно, это был «бразильский странствующий паук», укусы которого вызывает сильнейшую аллергическую реакцию, сопровождается резкой болью и вызывает паралич дыхательных мышц. Человек просто задыхается. Смерть может наступить в течение 2-6 часов. Но при своевременном обращении к врачу страшных последствий можно избежать.

– А почему он «странствующий», – спросил Верхогляд.
– Этот паук никогда не сидит на месте и не плетет паутины, как его восьмиллапые сородичи. Он питается насекомыми, ящерицами и даже птицами и любит полакомиться бананами, за это его называют – банановый паук. Но, все-таки, от укусов этого паука бывает и польза.

– Интересно, какая, – удивился Скобелев, – галлюцинации, что ли начинаются.

– Никогда не догадаетесь, – усмехнулся Алексей Алексеевич, – его яд содержит токсин, который способствует появлению продолжительной и болезненной эрекции. А некоторые жертвы паука утверждали, что после его укуса значительно повысилось качество их сексуальной жизни. Опыты на животных подтвердили, что использование этого токсина в медицине может помочь при лечении импотенции.

Алексей Алексеевич стал рассказывать эти подробности участникам экскурсии на английском языке. Когда он дошел до описания положительных сторон укуса паука, на лицах коллег появились ухмылки, и даже легкая зависть к возросшим сексуальным возможностям укушенного Персона.

После завершения экскурсионной программы симпозиума украинцы и я улетали в Рио-де-Жанейро, где нам предстояло три дня ожидать рейс аэрофлота на Москву. Кто бы мог о таком мечтать?! В Рио для нас зарезервировали номер в отеле Фламенго. Ларин возвращался назад Люфтганзой и страшно нам завидовал.

Свалившись на крыло, наш Боинг падал на пылающий рубиновыми огнями Рио-де-Жанейро. Вереница разноцветных огней окаймляла залив Фламенго. Словно купол гигантского храма возвышалась над городом подсвеченная снизу гора «Сахарная голова». За черным провалом тропической ночи угадывался океан. В небе сверкали незнакомые созвездия южного полушария.

Рио-де-Жанейро

Статуя Христа Спасителя на холме Корковадо с видом на залив Гуанабара и гору Сахарная голова

За последнее время мы уже столько раз взлетали и садились, что даже не заметили, как лайнер коснулся колесами бетонной дорожки и покатался к ярко освещенному portalу аэропорта.

Взяли такси и быстро добрались до отеля Фламенго. Сразу завалились спать. Утром я проснулся первый и разбудил украинцев. В отеле не кормили. Из ближайшего магазина Скобелев принес какие-то дешевые булочки. Маленький экспедиционный кипятильник и заварка для чая всегда находились при мне. Скромно позавтракали.

– В Рио-де-Жанейро, – зачитал Верхогляд с туристского буклета, который прихватил еще в самолете Аэрофлота, – с холма Корковадо открывается великолепный вид на Рио, Капакабану, залив Фламенго, горы, острова в океане и мост Нитерой.

Мы вышли на узкую улочку, спускающуюся к морю и застроенную невысокими зданиями. Впереди открывался впечатляющий вид на залив Гуанабара и гору Сахарная голова. Над холмом Корковадо с распростертыми, словно крест руками парила в облаках статуя Христа Спасителя.

Склоны окружающих гор коробились крышами фавел – бразильских трущоб, в которых правят, судят и выносят приговоры наркодельцы. Полиция в фавелы не суется. Это государство в государстве.

Мы отправились загорать и купаться на пляж Фламенго, благо он оказался рядом с одноименным отелем. Здесь в бухте, отделенной от океана волны были не такие сокрушительные как на Капакабане.

В это время года пляж пустовал. Мы устроились рядом с пожилым немцем, который удачно совмещал отдых на пляже с добычливой рыбалкой. Два трехметровых удилица он закрепил вертикально в специальных держателях, воткнутых в песок. От них в воду уходили натянутые лески донки, снабженные сигнальными колокольчиками. Немец возлежал на надувном матрасе, иногда вскакивая, чтобы вытащить из океана крупную полосатую рыбу, похожую на речного окуня.

Мне, как и Хемингуэю, страшно хотелось поймать рыбу в Атлантическом океане. Но просить об этом немца не позволяла гордость.

В один момент колокольчики сработали одновременно на обоих удилищах. Немец бросился к одному спиннингу и стал вываживать рыбу. Другое удилище находилось метрах в десяти и круто изгибалось под тяжестью клюнувшей рыбы. Немец с тревогой поглядывал на второе удилище, которое могло выскочить из держателя, и я жестами предложил ему свою помощь в вываживании рыбы.

Немец отрицательно затряс головой. Я развел руками, всем своим видом показывая:

«Не хотите, не надо, а мне не очень то и хотелось».

Вдруг недалеко от нас словно из песка выросла группа чернокожих парней в шортах. Легкие и динамичные ребята направились в нашу сторону. Пританцовывая, они шли по песку, и как заправские футболисты голыми ногами пасовали друг другу небольшой мяч. Не оставалось сомнения – эти чернокожие ребята с фавел. Нас предупреждали, что Рио-де-Жанейро один из первых городов мира по преступности. И главными нарушителями являются жители фавел. Они разгуливают по пляжам, выхватывают у отдыхающих сумки, фотоаппараты, кинокамеры и стремительно убегают. А иногда пускают в ход ножи.

Ребята громко смеялись, но не забывали бросать внимательные взгляды на наши вещи. Один недвусмысленно и виртуозно, словно фокусник, вертел в руках узкий как кинжал складной нож-бабочку с разделяющейся вдоль ручкой.

Первым неладное заподозрил немец. Он вскочил со стульчика, засунул свою барсетку под майку, и подошел ближе к нам, явно в ожидании бандитского нападения.

У меня никакого ценного имущества кроме рубашки и джинсов не было. Загранпаспорт, остатки денег и обратный билет на самолет я хранил в непромокаемом полиэтиленовом гриппере, который для надежности завернул в целлофановый

пакет. Долгие годы работы с секретными материалами научили меня «хранить документы в месте, исключая возможность утраты или порчи». Поэтому я незаметно под одеждой зарыл пакет в песок, так что если и схватят мою рубашку, то документы останутся при мне. Украинцы владели дешевым пластмассовым фотоаппаратом, который в народе называли «мыльница». В ожидании нападения мы, как братья славяне в добрые старые времена, встали в шеренгу плечом к плечу поперек движения парней. Каждый из нас стоил троих, а их было всего семь. Немец это понимал и встал сразу за нашими спинами.

На стороне местных парней был песок пляжа. Это тебе не твердый настил ринга или татами. Мы были тяжелые и ноги увязали в песке. А ребята двигались легко и привычно. Я вдруг сообразил, что нападавшие будут швырять ногами песок нам в лицо, чтобы запорошить глаза, и предупредил украинцев. И откуда у меня появилось такое прозрение, будто всю жизнь дрался на песчаных пляжах Бразилии.

«Все у них на песке – пляжный волейбол, футбол и даже бандитизм», – подумал я, и на всякий случай ногой разровнял для себя небольшую площадку, приготовившись к пляжному боксу.

Чернокожие поняли, что этих мужиков так просто не одолеть и за фотоаппарат мыльницу они будут драться до последней капли крови. Обтекая с двух сторон неустрашимую группу славян, ребята отпускали в наш адрес какие-то шутки, но по-португальски мы не понимали и, поэтому, не обижались. Парень с ножом оказался на моей стороне и, проходя мимо, сделал ложный выпад с целью меня напугать.

«Левша!» – отметил я про себя, и, на всякий случай, перенес вес тела на правую ногу.

Парень звонко рассмеялся, обнажив роскошные фарфоровые зубы.

Немец вплотную приблизился к нам, чтобы не оказать отрезанным от своих защитников. Ребята вытащили из его

садка пару крупных окуней и удалились, со смехом перебрасывая рыбин друг другу.

– Данке шён, – пробурчал немец и отошел к своим удилищам.

Когда украинцы ушли плавать, а я остался сторожить их драгоценный фотоаппарат, на одном из удилищ немца звякнул колокольчик, и оно изогнулось под натянутой леской.

Немец обернулся ко мне и, показывая рукой на удилище, пригласил:

– Битте!

Я схватил спиннинг, снял катушку с тормоза и стал подтягивать к берегу долгожданную рыбу. Это был приличный окунь килограмма на полтора. В отличие от наших российских пресноводных окуней рыба оказалась толстой и плотной. Наконец-то сбылась моя мечта – поймать в Атлантическом океане обыкновенного бразильского окунька.

Немец даже предложил мне забрать трофей, но я отказался и пустил окуня в его садок с морской водой.

Рио-де-Жанейро, залив Фламенго

Во второй половине дня мы отправились пешком на знаменитый пляж Копакабана. Роскошные апартаменты и огромные пентхаусы выстроились вдоль изогнутого как лук песчаного берега. Сами бразильцы называют этот пляж «Принцесса моря». В ночь с 31 декабря на 1 января здесь собирается более двух миллионов туристов и происходит одно из самых ярких празднеств Нового года в мире.

Копакабана

Но для меня самое грандиозное на планете Земля это Океан! На пляже Фламенго он закрыт островами, а на Копакабана просматривается до самого горизонта. Ребята хотели пройти вдоль берега до следующего пляжа Ипанема, но я уговорил их остановиться в начале, чтобы немедленно искупаться.

В это время года на длинной песчаной косе, тянущейся вдоль берега Атлантического океана, народу мало, и почти никто не купался.

Ребята остались на берегу смотреть пляжный волейбол, а я разделся и побежал к воде. У самого берега мощная океаническая волна неожиданно вставала отвесной стеной и с шипением обрушивалась на белый тонкозернистый песок. Я

выждал момент и нырнул в пучину в надежде пронырнуть волну насквозь и оказаться за полосой океанического прибоя. Но, не тут-то было. Такой мощи я никак не ожидал, это тебе не черноморская волна. Меня перевернуло несколько раз вверх тормашками и выбросило на песчаный пляж. Я даже обернулся на украинцев, но они не заметили моего позора. Это задело мое самолюбие, и я вновь нырнул в волну. Эффект был такой же, только в этот раз я успел еще хлебнуть воды с песком. Теперь я понял, почему стюардесса аэрофлота, предупреждала нас не ходить купаться на Копакабану, а ограничиться бухтой Фламенго. Немногочисленные отдыхающие в воду не лезли, и поблизости не видно любителей серфинга. Возможно, именно в этом месте пляжа береговой склон достаточно крутой и мощная океаническая волна сразу вставала стеной. Еще две попытки нырнуть сквозь волну закончились также. Некоторые отдыхающие стали обращать на меня внимание. Я решил во что бы то ни стало победить волну. Снова нырнул и, отчаянно работая руками и ногами, все-таки преодолел бурлящую зеленую воду и вынырнул за полосой прибоя. Вода легко держала тело на поверхности, а широкие и пологие волны плавно покачивали как в колыбели. Но за время борьбы с волнами я уже порядком устал, а плавать в одиночестве в океане уже не хотелось. Вдруг тут барражируют акулы в надежде поживиться человечинкой. А я плаваю один. Но сразу плыть назад неудобно, и я помахал ребятам рукой.

Возвращение на берег получилось не менее эффектным. Несмотря на то, что я нырнул к самому дну, волна подхватила меня, подняла на самый гребень и с высоты трех метров шмякнула о твердый песок, к удовольствию всех наблюдавших за мной отдыхающих.

Пришлось сделать вид, будто именно так и выходят из океана настоящие мужчины.

Я остался караулить вещи, а мужики дружно побежали к океану. Они синхронно нырнули и также синхронно оказались

на берегу. Украинцы оказались более настырными, чем я и победили волну с третьего раза. Возвращение из воды у них получилось не таким броским как у меня.

В ларьках на пляже продавались охлажденные кокосовые орехи. В скорлупе была пробита дырочка и туда вставлена пластмассовая соломинка. На жаре пить холодное кокосовое молоко – настоящее блаженство.

Мы гуляли по городу до самого вечера. С приближением темноты, которая в тропиках наступает довольно быстро, улицы опустели. Казалось, что красочные карнавалы идут в Рио-де-Жанейро круглый год. А тут унылый город, который даже не сравнить с ярко освещенными европейскими или североамериканскими городами. Только в одном ресторанчике удалось полюбоваться страстными бразильскими танцами.

Страстные бразильские танцы

Надо было что-то купить на ужин. Дружно решили, что по причине финансовых трудностей будем жить скромно и покупать все самое дешевое. В супермаркете купили арбуз, хлеб и обнаружили, что самый дешевый мясной продукт –

копченые языки зебу. Божественное блюдо! Под такую закуску грех не взять бутылочку чинзано.

В одном из магазинов мне посчастливилось купить гущенное кокосовое молоко. Я рассказал ребятам об экзотическом блюде – обжаренные кусочки курицы тушеные в кокосовом молоке, которое попробовал в Китае на острове Хайнань и хочу приготовить самостоятельно, чтобы угостить родственников и друзей.

В магазине мы также накупили стограммовых пакетов с бразильским кофе для подарков друзьям.

И вот, наконец, последний день в Рио-де-Жанейро. С утра погуляли по городу, но ничего из его достопримечательностей не осталось у меня в памяти. Пару часов провели на пляже Фламенго.

В назначенное время к отелю подошло заказанное такси. По дороге в аэропорт мы в последний раз любовались закатом над Атлантическим океаном. Вскоре широкофюзеляжный Ил-96 разогнался по полосе и круто взмыл в ночное звездное небо.

Дальше следовала череда взлетов и посадок – Сальвадор, Острова Зеленого мыса, Тунис, Кипр, Москва.

В международном аэропорту Шереметьево мой рейс на Санкт-Петербург был первым, а ребята остались еще на шесть часов, ожидать самолет на Киев. Я дружески попрощался с украинцами и мы обнялись, как настоящие братья-славяне.

– Приезжайте к нам в гости, – пригласил Скобелев, – прием будет по высшему разряду – зарежем кабана.

– И покажем Вам настоящие граниты рапакиви Коростеньского плутона, – добавил Верхогляд.

– И Вы к нам приезжайте, мы тоже в грязь лицом не ударим, – пообещал я.

В самолете на Санкт-Петербург рядом со мной оказалась какая-то пожилая истеричная женщина. При взлете она вся дрожала от страха и судорожно вцепилась в мою руку. Это был ее первый полет.

– Вот, на старости лет пришлось лететь самолетом, – пожаловалась она.

Весь полет стюардессы носились по салону и ухаживали за пассажиркой, которой хотелось то пить, то требовались таблетки от головной боли, то она долго жаловалась стюардессам на свою боязнь летать самолетом.

Около туалета я краем уха слышал, как одна стюардесса с раздражением сказала другой:

– Она врет, что боится летать!

– Да, – согласилась вторая, – она просто боится падать.

Лайнер удивительно мягко приземлился в международном аэропорту Пулково. В этой поездке я в общей сложности налетал тридцать девять тысяч километров и совершил почти кругосветное путешествие. Особенно радовало полное совпадения количества взлетов и посадок.

Так закончилось мое самое дальнее и увлекательное путешествие.